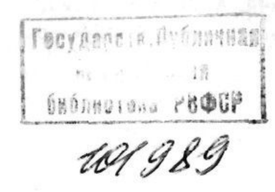

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

Государств. Публичная
библиотека РСФСР
101989

1

1989

Журнал выходит 4 раза в год

Издается с 1980 года

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

«ПАВЛОВСКАЯ СЕССИЯ» 1950 Г. И СУДЬБЫ СОВЕТСКОЙ ФИЗИОЛОГИИ *

В. В. Умрихин (кандидат психологических наук, Институт истории естествознания и техники АН СССР,). Буря «павловской сессии», разразившаяся в физиологии, прокатилась сокрушительным смерчем и над другими науками. Не обошла она и психологию. Прошло почти 40 лет, но отголоски громовых раскатов этой бури слышны и сегодня.

Часто приходится сталкиваться с негативизмом психологов в отношении И. П. Павлова и его концепции высшей нервной деятельности. Особенно обидно, когда он исходит от тех, кто только приобщается к психологической науке. Нередко на семинарах по истории психологии студенты психологического факультета Московского университета недоумевают: зачем нам подробно вникать в содержание научных идей И. П. Павлова, зачем отдавать драгоценное время перечитыванию томов, пренадлежащих перу человека, принесшего психологии столько вреда? Беда заключается в том, что в сознании молодого поколения живет не истинный портрет И. П. Павлова, не истинный облик ученого, отдававшего все свои силы служению науке во имя «достижения полного и прочного счастья», а тот, который при помощи умелых приемов был «отреставрирован» эпигонами И. П. Павлова, лидировавшими на сессии.

Психологии в известном смысле «повезло». Хотя на сессии и выступили несколько ведущих советских психологов (С. Л. Рубинштейн, Б. М. Теплов, А. Р. Лурия и др.), психология не оказалась в числе тех дисциплин, которые стали жертвами «погромщиков» от науки непосредственно на сессии. Удар в какой-то мере был смягчен. Решение судьбы отечественной психологии отложили на два года. Это время требовалось для работы по выполнению резолюции сессии, включавшей в себя пункт о созыве специальных совещаний «по деловому и критическому» обсуждению проблем перестройки различных наук, в том числе и психологии, на основе физиологического учения И. П. Павлова.

Попутно заметим, что на 70-летнем пути развития советской психологии слово «перестройка» приобретало ключевое значение, как минимум, трижды.

Впервые оно появилось в начале 20-х годов, когда молодые советские психологи, вдохновленные новыми возможностями их науки в осуществлении грандиозных социальных преобразований, посвятили свое творчество борьбе за перестройку психологии на основе марксизма. Нынешняя перестройка психологической науки, непосредственно связанная с демократизацией нашего общества и гуманизацией социальных отношений,— процесс, свидетелями которого мы являемся сами, и поэтому не требует дополнительных комментариев. Но опыт прошлого дает примеры реакционного значения понятия перестройки. Именно в таком значении это слово прозвучало с трибуны «павловской сессии».

Важно отметить, что желание уничтожить психологию было не только следствием общего мракобесия организаторов сессии или «спущенных» сверху инструкций. Оно имело и некоторые основания, относящиеся к сфере науки.

Известно, что И. П. Павлов соотносил свою работу с различными психологическими направлениями, но не разделял их теоретических положений. Он подвергал резкой критике классическую интроспективную психологию сознания, поскольку ему был глубоко чужд субъективный метод анализа явлений психической жизни. В то же время он признавал ее право на существование. Об этом красноречиво свидетельствует приветственное письмо И. П. Павлова Г. И. Челпанову, культивирующему интроспективную традицию, написанное по случаю открытия им первого в России Психологического института. Немало критических высказываний направлено И. П. Павловым и в адрес других психологических направлений, например бихевиоризма, на первый взгляд очень близкого концепции русского физиолога, гештальтпсихологии и т. д. Но поразительно, что ни в одном из высказываний И. П. Павлов не обмолвился и словом о советской психологии за почти два десятка лет ее развития при жизни ученого. А ведь советская психология исходила из объективного подхода к анализу психологических явлений.

---

* Окончание. Начало см. в №№ 3, 4 за 1988 г.

Есть, впрочем, единственный факт, позволяющий судить об отношении физиолога к советской психологической науке. О нем рассказывал когда-то нам на лекции А. Н. Леонтьев — создатель и декан факультета психологии МГУ, о нем упоминается в книге М. Г. Ярошевского «История психологии».

В начале 20-х годов тогда молодой еще сотрудник Психологического института А. Н. Леонтьев отправился в Ленинград к И. П. Павлову, чтобы ознакомиться с результатами его работ и договориться о возможном сотрудничестве. К этому времени на посту директора Психологического института Г. И. Челпанова сменил К. И. Корнилов — автор работ по так называемой реактологии, включавшей в себя объективную регистрацию реакций человека.

Когда А. Н. Леонтьев представился И. П. Павлову, тот спросил у него, как поживает Георгий Иванович Челпанов. А. Н. Леонтьев радостно объявил, что Челпанова сняли и его место занял К. Н. Корнилов и что теперь «мы с позиций объективного подхода изучаем психику человека». Со словами «очень сожалею, молодой человек» И. П. Павлов мгновенно удалился.

Такое «знакомство» И. П. Павлова с советской психологией представляет несомненный парадокс, в котором еще предстоит разобраться будущим историкам. Не исключено, что в его *основе лежали притязания физиолога на то, что его подход — единственно возможный способ* объективного исследования психики.

Не вникая в особенности отношения И. П. Павлова к различным психологическим концепциям, его эпигоны сконцентрировали все критические высказывания своего учителя по поводу психологии и направили их против советской психологической науки. Положение осложнилось тем, что сам И. П. Павлов отождествлял высшую нервную деятельность с психической. В результате выдвигался тезис: психология допавловская — идеалистическая, психология павловская — материалистическая. При этом, конечно, забывались материалистические традиции в развитии психологической мысли, уходящие своими корнями в далекое прошлое. Забывалась и программа построения материалистической психологии, выдвинутая И. М. Сеченовым. Навешивание на советскую психологию ярлыков «идеалистическая», «вредная», «порочная» в те годы грозило полной ликвидацией этой науки.

В трудных условиях советские психологи сделали все возможное, чтобы отстоять свою науку. Следуя резолюции «павловской сессии», в 1952 г. в Москве было созвано первое всесоюзное совещание по психологии. И хотя накал страстей, разгоревшихся на сессии, несколько ослаб, к этому времени усложнилась задача «перестройки».

Она включила в себя и требование радикального преобразования психологии на основе незадолго до этого вышедшего «гениального труда» Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Примечательна организация дискуссии на этом совещании. Оно началось с доклада директора Института психологии А. А. Смирнова «Состояние психологии и задачи ее перестройки на основе учения И. П. Павлова». Когда-то в личной беседе А. А. Смирнов рассказывал мне, насколько тяжела была его задача: никакой серьезной программы радикальных преобразований предложить было невозможно (да и просто абсурдно), в то же время нельзя было открыто проигнорировать жесткие требования, «спущенные» сверху. Поэтому вместо того, чтобы громить своих коллег, он подготовил доклад, в котором, с одной стороны, декларировалась перестройка психологии на павловской основе, а с другой — предлагалась умышленно абсурдная программа этой перестройки.

Чтобы не быть голословным, приведу одно из положений доклада: поскольку мировоззрения советского человека и человека буржуазного общества в корне различны, то и их физиологические механизмы качественно различаются между собой; отсюда одна из основных задач психологии — изучение условных рефлексов советского человека в их принципиальном отличии от таковых у человека буржуазного общества.

Замысел «сработал», доклад стал мишенью ожесточенной критики. Но критиковалась не сама психология, а несовершенный вариант ее «павловизации». Смещение акцента критики с вопроса *о правомерности существования психологии на проблему выбора путей ее преобразований* в какой-то мере повлияло на «спасение» этой науки.

Той же цели придерживался и Б. М. Теплов, автор второго доклада «Об объективном методе в психологии». Но добивался он ее иными средствами — строгим научным обоснованием того важнейшего для советской психологии положения, что психика как явление субъективное подвластна изучению объективным методом. Однако этот тезис не принимался физиологами. И хотя его доказательство Б. М. Теплов провел с достаточной убедительностью, некоторые из присутст-

вующих на совещании психологов (а не только физиологов) отстаивали убеждение в том, что раз психическая деятельность — это высшая нервная деятельность, материалистическое учение о которой уже создано, остается заменить психологию учением И. П. Павлова о высшей нервной деятельности.

Говоря в целом о дискуссии на совещании по психологии 1952 г., хочется подчеркнуть, что она оказалась менее драматичной, чем дискуссия на «павловской сессии» (возможно, благодаря отмеченной ее организации). И все же психологии был нанесен большой ущерб.

Изменилась тематика работы и без того немногочисленных советских психологов. Их усилия направлялись на решение задач, не вытекающих из логики развития психологического познания. Состоявшееся в 1962 г. совещание по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии в своей резолюции отменило решение «павловской сессии», но резолюцией нельзя восполнить потери.

Работа Б. М. Теплова «Об объективном методе в психологии» входит в список обязательной литературы по курсу «История психологии». Когда студентам предлагается ознакомиться с текстом этой работы, переизданном в «отшлифованном» виде, с купюрами, я всегда им советую обратиться к первоначальному варианту этого текста, опубликованному в стенограмме совещания по психологии 1952 г., а заодно посмотреть и другие материалы этой стенограммы. Очень важно, чтобы грядущие поколения ученых, извлекая уроки из событий недавнего прошлого нашей науки, не допустили повторения таких трагедий, какой была «павловская сессия».

Н. К. Сараджев (кандидат медицинских наук, Москва). Мне посчастливилось быть аспирантом Леона Абгаровича Орбели. В 1947 г. я был принят в аспирантуру и выехал для работы в Колтуши (в Институт эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности (ВНД) им. акад. И. П. Павлова).

Мною была освоена методика изучения условных рефлексов у собак и начата работа над диссертацией, посвященной анализу роли фактора времени в становлении условных рефлексов.

Из-за болезни я, к сожалению, был вынужден вернуться в Москву, где, оставаясь аспирантом Орбели, под руководством доктора медицинских наук П. И. Шпильберг осваивал методику электроэнцефалографических исследований человека. Лаборатория Шпильберг, непосредственно связанная с Орбели, входила в состав Московского филиала Колтушевского института эволюционной физиологии и патологии ВНД, которым руководил в то время Иванов-Смоленский.

Во время Объединенной сессии я пришел к Орбели на квартиру и стал ему говорить, что, возможно, нужно признать какие-то ошибки, что нужно подойти к этому вопросу немножко не так, как он это делает...

Я его застал читающим «Жизнь протопопа Аввакума» из биографической библиотеки Ф. Павленкова (желтые томики которой у него стояли на полке), т. е. о жизни непримиримого борца за торжество тех идей, которые он считал верными...

Леон Абгарович мне ответил: «Сессия идет так, что оправдываться на ней нет никакого смысла. Я так и чувствую, что Иванов-Смоленский мне вцепился в ляжку, а Айрапетянц — в ягодицу!... Вот посмотрите,— продолжал он,— сотрудник Быкова, А. В. Соловьев, приписал мне какие-то слова, в газете «Правда» они напечатаны в кавычках (выступление вечером 3 июня 1950 г.) и даже указана страница в Большой Медицинской Энциклопедии, на которой якобы имеются приписываемые мне слова. Если же Вы откроете в моей статье «Физиология вегетативной нервной системы» указанную страницу, то Вы там этой цитаты не найдете! А ведь в Центральном Комитете партии никто не станет проверять точность приводимых цитат!».

Действительно, эта так называемая «цитата» красуется без изменения в стенографическом отчете сессии, изданном под редакцией Айрапетянца в 1950 г. (см. с. 488).

Иванов-Смоленский долго готовился к этой сессии. Его сотрудники обязательно бывали на докладах Орбели в Москве (которые стенографировались), чтобы найти какие-то «ошибки» и иметь возможность к ним придраться.

Но во время самой сессии одна из сотрудниц Иванова-Смоленского, А. Ю. Изергина, выступила в защиту Орбели. Она страстно стала доказывать, что Орбели не мог нанести вред учению своего учителя Павлова. В доказательство этого она прочла всем присутствующим отзыв Павлова об Орбели, где Павлов выдвигал своего ученика в действительные члены Академии наук СССР.

О выступлении Изергиной на сессии было сделано краткое сообщение в газете «Правда» с ремаркой: «Читает». А что именно она прочла об Орбели, читателям не сообщили! В стенографическом отчете под редакцией Айрапетянца этот эпизод вообще не нашел своего отражения.

В прошлом Изергина совместно с Ю. П. Фроловым провела серьезные и оригинальные исследования явления отсчета времени у летчиков, здоровых людей и психических больных (см. Архив биологических наук. Т. 42. Вып. 1—2. С. 103—116). Ведущим научным работником она была и у Иванова-Смоленского. Так, в первом издании своей монографии «Очерки патофизиологии ВНД» (1949 г.) он сделал ссылки на ряд ее научных публикаций. Тем не менее сразу же после сессии она была изгнана Ивановым-Смоленским из института, долгое время была без работы и лишь позже стала сотрудницей Института биофизики.

Для характеристики научной недобросовестности и нечестности К. М. Быкова необходимо вспомнить малоизвестный факт искажения истинных взглядов И. П. Павлова, сделанный им. В 1954 г. вышла статья Быкова, написанная совместно с Айрапетянцем,— «Краткая характеристика научной деятельности И. П. Павлова» (см. Библиография трудов И. П. Павлова и литература о нем. Изд. [II] АН СССР. 1954. С. 425—453). В этой статье в угоду «учению» Лысенко о наследовании приобретенных признаков они ссылаются на статью Павлова от 1913 г. и цитируют: «Можно принимать, что некоторые из условных, вновь приобретенных рефлексов позднее наследственностью превращаются в безусловные». Далее они указывают: «... Определяющим фактором в формировании наличного типа (нервной системы — „темпераметров тож“, по выражению И. П. Павлова.— *Н. С.*) являются условия индивидуального существования, воспитание, влияние среды с момента рождения. Отсюда и возможность направленного изменения типов, их переделки, наследственного закрепления перестроенных свойств нервной системы» (с. 488. Разрядка моя.— *Н. С.*).

Все это написано «испытанными павловцами», получившими власть и право наказывать других ученых за искажение учения Павлова на заседаниях Научного совета по проблемам физиологического учения Павлова.

Между тем сам Павлов, обсудив с генетиком Кольцовым результаты экспериментов П. С. Студенцова, опубликовал в газете «Правда» (13 мая 1927 г.) следующее письмо:

«1 марта 1927 г.

Многоуважаемый господин Гуттен!

Первоначальные опыты с наследственной передачей условных рефлексов у белых мышей при улучшении методики и при более строгом контроле до сих пор не подтверждаются, так что я не должен причисляться к авторам, стоящим за эту передачу.

С истинным уважением.
Ив. Павлов».

(Цит. по кн.: *Бабский Е. Б.* Иван Петрович Павлов. М., 1959, с. 89; см. также: *Полынин В.* Тайна академика Вавилова // Комсомольская правда. 1987, 22 ноября).

Авторы, безусловно, не могли не знать этого письма Павлова, однако ни в 1949, ни в 1954 гг. в библиографических справочниках работ Павлова они не дали на него ссылку. Не опубликовано оно также и во втором, дополненном «Полном собрании сочинений И. П. Павлова» (М.: Изд-во АН СССР, 1951—1952).

Для характеристики «принципиальности» Быкова хочется напомнить и о таком факте. К 100-летнему юбилею Павлова проходил целый ряд научных конференций, посвященных его учению. Одна из таких конференций — «Учение И. П. Павлова в клинической медицине» — проходила в Ленинградском институте экспериментальной медицины под руководством Быкова. В опубликованных стенограммах докладов этой конференции Быков очень высоко оценивал вклад Орбели в развитие учения Павлова, а также написал, что Иванов-Смоленский искажает учение Павлова и что ученым еще раз необходимо собраться, чтобы детальнее разобраться в его ошибках.

Все это, однако, не помешало «принципиальному павловцу» буквально через полгода сделать поворот на 180° и вместе с Ивановым-Смоленским обрушиться на Орбели.

В результате после сессии к руководству всех физиологических институтов и кафедр пришли

новые люди. Одним из таких «руководителей» Института нормальной физиологии АМН СССР стал М. А. Усиевич. Первыми его действиями было уничтожение прекрасно организованной и оснащенной новейшей аппаратурой (как могли убедиться участники VII Всесоюзного съезда физиологов в 1947 г.) лаборатории П. К. Анохина.

Затем он разгромил и ликвидировал электрофизиологическую лабораторию акад. АМН СССР А. Н. Магницкого. Магницкий вскоре после этого умер.

Результаты и методы «руководства» Усиевичем работой института обследовались позже специальной комиссией Президиума АМН СССР во главе с В. Н. Черниговским и были признаны неудовлетворительными. Усиевич был снят с поста директора. Позже на стендах, посвященных истории института, уже никогда не вспоминали, что он им когда-то «руководил».

В результате реорганизаций физиологической науки под мнимым флагом «за чистоту павловского учения» в среде научных работников развился дух приспособленчества. На проводившихся в институтах семинарах об учении Павлова из пустого в порожнее переливались одни и те же цитаты из работ, указанные по страницам в списке рекомендуемой литературы (полностью читать статьи Павлова не требовалось), и из популярных брошюрок «философов от естествознания». Эти философы могли найти диалектический материализм в чем угодно. Помнится, руководитель кафедры философии АМН СССР П. П. Бондаренко с восторгом целых 2 часа на лекции доказывал слушателям, что работа Г. М. Бошьяна «О природе вирусов и микробов» блестяще подтверждается всеми законами диалектического материализма, а ведь в книге Бошьяна утверждалось, что кристаллы могут переходить в вирусы, а те — превращаться в микробы!

Такое, пропагандируемое сверху в приказном порядке внедрение павловского учения привело к тому, что во всех физиологических работах стали обнаруживать влияние коры головного мозга на все без исключения физиологические процессы в организме.

Ярчайшим проявлением конформизма среди научных работников, вызванного вмешательством политики в научные исследования, является поведение Айрапетянца во время и после сессии.

Когда-то Айрапетянц имел собственное мнение и, вероятно, поддерживал в дискуссиях формальную генетику. Однако в марте 1941 г. он был вызван в партийный комитет Ленинградского государственного университета и получил последнее предупреждение за свои взгляды, так как «биологический факультет должен стать оплотом революционной передовой науки» (т. е. «учения Мичурина — Лысенко») (см.: *Александров В.* Трудные годы советской биологии // Знание — сила. 1987. № 10. С. 75).

С тех пор научный работник, физиолог Айрапетянц и стал ревностно следовать не научным фактам, а указаниям свыше.

Э. А. Костандов (доктор медицинских наук, Институт судебной психиатрии им. В. П. Сербского, Москва). Из работ Л. С. Выготского, опубликованных в собрании его сочинений (тт. 1—6. М., 1982—1983), ясно, что он стоит на павловских позициях, точнее, пользуясь трудами Павлова, анализирует их.

Теперь относительно того, был ли Павлов причастен к объединенной сессии.

Павлов был действительно крупным ученым. Возьмем, например, работы Бериташвили по психонервной деятельности, которые не согласовывались с некоторыми взглядами Павлова. Павлов тем не менее опубликовал целую серию его статей о психонервной деятельности будучи редактором «Физиологического журнала». В 1935 г. именно Павлов предложил Бериташвили быть вице-президентом на международном конгрессе. Поэтому говорить о том, что Павлов хотя бы косвенно причастен к Объединенной сессии, вряд ли возможно. Можно, очевидно, проложить мостик между рефлексологией и павловской сессией, но тем не менее никаким монополистом в науке он не был. У каждого ученого могут быть взгляды, концепции, которые или остаются надолго или быстро проходят. Объединенная же сессия — продукт сложившейся в стране обстановки, лысенковщины. Инициаторами в этом, я думаю, были не ученые. Это была политическая акция. И Объединенную сессию надо рассматривать как момент лысенковщины, как составную часть его идеологической акции.

Конечно, 1962 г. был определенной вехой, когда можно было бы критически рассмотреть итоги Объединенной сессии, однако попытка такого рода сделана не была. Это было хуже лжи. Я вспоминаю, что на конференции 1962 г. Бериташвили не дали возможности сделать доклад. Он ее прочитал на отдельном заседании, по-моему, в Институте психологии АПН РСФСР.

То, что Павловская сессия должна быть оценена только негативно, вряд ли сейчас может быть предметом спора. Прежде всего, на ней было засвидетельствовано неуважение к факту, неуважение к эксперименту. Если человек был способен подогнать под ходячее представление о павловском учении свои взгляды, свои данные, они тотчас признавались за истину. Основной вред Павловской сессии — ухудшение нравственной атмосферы, то, что мы называем лысенковщиной и что не изжито и по сей день. Декларируется, например, какое-нибудь непременно сенсационное открытие. Набирают очки, получают звания, премии и т. д., но об апробировании открытия и речи нет. Разве не та же это яровизация Лысенко?

Вот эта-то нравственная атмосфера, когда не факт, не господин факт, как говорил Павлов, ни на чем не основанная приверженность к «концепции» не изжита. Отсутствует подлинная научная критика, ибо любая критика сопряжена с определенным риском. В результате Объединенной сессии были закрыты целые научные направления. Но мы знаем, что это временное. Я могу привести в качестве примера физиологические исследования бессознательных психических явлений. Это приоритетное для нашей страны направление фактически было свернуто. Я был свидетелем того, как Гершуни делал доклад в Институте высшей нервной деятельности, когда Асратян хотел его пригласить туда работать, дать ему лабораторию. Это было в начале 1951 г. Во время его доклада А. Г. Иванов-Смоленский встал и вышел. Это был приговор. Переезд Гершуни в Москву не состоялся. Тогда же, в 1951 г., Иванову-Смоленскому задали вопрос: «А может ли существовать психология?» Ответ был: «Не знаю». Понимать это надо было так, что психология — это нечто одиозное и полуподпольное.

Возьмем, к примеру, концепцию Ивана Соломоновича Бериташвили о психонервной деятельности. Разработка ее была задержана, хотя сейчас на Западе много пишут о регулярной роли образа и у нас говорят о детерминации идеальным. Да это и понятно: раз направление официально не признано, значит им и незачем заниматься. Было строго определено, что соответствует павловскому учению, а что не соответствует. И выносилась оценка. Это приводило к приспособленчеству. Фигуру Павлова с Павловской сессией связывать никак нельзя, это клевета на Павлова. Хотя все беды нашей науки нельзя сваливать на Объединенную сессию, ее неблагополучие зависело еще и от бюрократизации, от власти мундира в науке, который заглушает любую критику. Это самый неблагоприятный фактор, с которым надо бороться.

Л. Г. Охнянская (доктор медицинских наук, Институт профессиональных болезней АМН СССР, Москва). Мне кажется, что организаторы «круглого стола» очень удачно выбрали тему — печально известную Объединенную сессию АН СССР и АМН СССР, потому что и эта сессия, и ее последствия как нельзя лучше отражают все худшее, что складывалось в результате монополизации власти, жестокого административного диктата применительно ко всем сферам деятельности нашего общества. Трагическая особенность Объединенной сессии: все «действо» разыгрывалось в основном в пределах одной школы и под знаменем ее создателя, гордости отечественной науки — И. П. Павлова (поэтому и нарекли «павловской»). Ко времени ее проведения уже хорошо были отработаны стратегия и тактика узурпации различных областей знаний, и этот процесс приближался к своей кульминации. На примере этой сессии, пожалуй, проще проанализировать, во имя чего и какими способами достигались декортикация и как ее результат деморализация различных слоев нашего общества.

Здесь уже говорилось о том, что Объединенная сессия не имела никакого отношения к науке. Зримо срабатывал принцип «разделяй и властвуй». Страшно было видеть и слышать, как К. М. Быков, эксплуатируя имя своего гениального учителя, избивал по указке сверху бывших друзей и однокашников. Не менее тягостное впечатление производили покаянные выступления уже достаточно известных ученых, беспомощно кивавших на Л. А. Орбели — лидера советской физиологии. Он был намечен в качестве основной жертвы. Камешки в него полетели еще ранее, в газетных публикациях П. К. Анохина и А. Д. Сперанского, которых, по-видимому, испытывали на «преданность». Но в чем-то они не оправдали надежд, и их также зачислили в антипавловцев. Был устроен также турнир между Сперанским и Быковым. Видимо, основного нападавшего, а также его подручных выбрать было труднее, чем основную жертву. И делалось это весьма осмотрительно. При этом срабатывал также ставший весьма популярным принцип «три Д» («дай дорогу дураку»). В результате на поверхность мутного потока событий 1948—1950 гг. всплыли более или менее именитые лжелидеры, которые делали все возможное и невозможное, чтобы соблюсти

чистоту и внедрить павловское учение в их собственном примитивном представлении не только в биологию, но и в медицину. Печально, что ведущему этого спектакля и сейчас (например, на недавно прошедшем Кишиневском Всесоюзном съезде физиологов) посмертно воздаются всякие почести.

Сокрушительный удар по отечественной физиологии пришелся на период, когда она завоевала прочный международный авторитет. Потеряв наших лидеров, мы потеряли и лидирующее положение в весьма актуальных разделах физиологии, и в результате по прошествии более четверти века не можем наверстать упущенного и безнадежно отстали (это положение констатировал акад. Н. Г. Костюк в своем докладе на Кишиневском съезде). Этот удар рикошетом прошелся по ряду областей биологии, медицины и других естественных наук. *Но самый тяжелый бумеранг поразил дело* Павлова и даже, как это ни прискорбно, само его имя. У молодежи того времени возникло негативное отношение к нему и в какой-то мере оно удерживается и сейчас. Внутренний протест распространился и на ничем не запятнавших себя, но пострадавших учеников И. П. Павлова, творчески развивающих заложенное им и создавших свои собственные направления физиологии.

Лев Лазаревич Шик рассказал, как был раздавлен один из них — Иван Петрович Разенков (1888—1954). Его жизнь и деятельность интересны не только сами по себе. Ведь он был одним из рулевых отечественной физиологии, и его биография как нельзя лучше отражает пору молодости и расцвета этой науки. К тому же основные вехи его творческого пути, научно-организационной и педагогической деятельности теснейшим образом связаны с решением глобальных задач, стоящих перед наукой и здравоохранением нашей страны. Одни из своих докладов (рукопись примерно 1948—1949 гг.) он посвятил истории развития физиологии в послереволюционный период, проследил ее корни, истоки успехов в различных направлениях, проанализировал особенности ее становления по сравнению с другими странами.

Иван Петрович Разенков — самобытный, дальновидный ученый, которому в высшей степени были *свойственны научное бесстрашие и принципиальность в поисках истины. Тонкий экспериментатор,* он к тому же обладал острым чувством нового. Умение отбросить все суетное, внутренняя собранность, целеустремленность, исключительная работоспособность, высокая требовательность к себе — все это вместе взятое определило плодотворность его творческого пути и еще не оцененный нами вклад в сокровищницу физиологии, а также его талант организатора науки государственного масштаба. И. П. Разенков умел ставить и решать трудные, узловые вопросы физиологии. Он умел внедрять результаты теоретических исследований в практику, прежде всего в медицину и сельское хозяйство. Особенно актуально звучит сегодня его девиз: «Все для человека и во имя человека». Он умел разглядеть и всячески поддержать ростки нового в науке, нередко вопреки укоренившемуся общепринятому мнению. Для него характерны «установка на другое лицо» (по А. А. Ухтомскому), всегдашняя готовность протянуть руку помощи, ободрить молодых неординарных исследователей.

И. П. Разенков обладал особенно важной для советского ученого чертой: он никогда не замыкался в рамках личных исследований, а всегда привлекал к ним большой коллектив и организовывал широкий научный комплекс.

В недавно вышедшей монографии, посвященной отечественным физиологическим школам, Разенкову не нашлось места. Не был упомянут он в этом плане и на Кишиневском съезде. С Быковым и там и там все было в порядке. Не входя в дискуссию о том, что такое «научная школа», скажем, что Разенков постоянно уделял внимание подготовке кадров. Он выработал свою кадровую политику — сплав энтузиазма молодости и опыта зрелости. Благодаря этому он создал большую своеобразную школу. Многие ее представители так же, как и их учитель, при его неизменной поддержке искали и находили собственные пути в науке. Поскольку это позабылось, напомню, что к их числу принадлежат С. Е. Северин, Х. С. Коштоянц, Е. Б. Бабский, М. Е. Маршак, А. Н. Магницкий, И. А. Аршавский, Г. В. Дервиз, О. П. Добромыслова, К. С. Замычкина, А. Н. Кабанов, Э. Б. Курляндская, З. В. Малкиман, А. А. Миттельштедт, В. М. Рубель, П. Г. Снякин, Н. В. Тимофеев, И. М. Хазен, И. П. Чукичев, О. А. Шароватова, Л. Л. Шик и мн. др.

Мужественный, благородный человек, интернационалист в полном смысле слова, Разенков выдержал испытание на прочность во время культа личности и в тяжелые годы войны. Эти его качества сыграли немаловажную роль в трудно складывавшихся судьбах ряда крупных ученых в 30—40-е годы. Чтобы не быть голословной, приведу примеры. С известным венгерским биологом Э. Бауэром, автором монографии «Теоретическая биология», у Разенкова были более чем напряженные личные отношения (они вместе работали в Институте по изучению профзаболеваний им.

В. А. Обуха). Однако когда на весьма представительной конференции в ВИЭМ обсуждался доклад Бауэра, который подвергался резкой критике со стороны очень крупных авторитетов, Разенков поддержал концепцию ученого и сформулированный им для живого принцип устойчивого неравновесия. (В 1937 г. Э. Бауэр был арестован. Он и его жена умерли в тюрьме.) Классик отечественной физиологии, создатель теории физиологической активности, член-корреспондент АМН СССР, лауреат Ленинской премии Н. А. Бернштейн разделил участь многих ученых, которых в конце 40-х годов обвиняли в преклонении перед Западом и нарекли космополитами. Многократные его обращения к президенту АМН СССР акад. Н. Н. Аничкову оставались безответными. Иван Петрович Разенков, который временно замещал его как вице-президент, помог Бернштейну устроиться на работу (этот архивный материал хорошо знает Иосиф Моисеевич Файгенберг). В 50-е годы Разенков уже ничем не мог ему помочь. Очень недобрую роль в судьбе Н. А. Бернштейна сыграл опальный в 1951—1952 гг. П. К. Анохин. Видного советского биолога А. Г. Гурвича, открывшего феномен митогенетического излучения, провалили при выборах в члены АМН СССР. Иван Петрович считал это позором для АМН СССР и на президиуме ратовал за его избрание. Словом и делом он помогал вернувшимся из мест, весьма отдаленных. Так, В. В. Парину помог с устройством на работу и с защитой докторской диссертации. Не говоря уже о нравственном значении такого рода акций, Разенков, осуществляя их, тем самым способствовал развитию передовых направлений науки.

Объединенной сессии предшествовал ряд хорошо срежиссированных «научных» дискуссий. Трудно сказать, с какой целью (создать ли видимость демократии, прозондировать ли настроение научной общественности) их проведение было поручено научным обществам, в том числе Московскому обществу физиологов, биохимиков и фармакологов. Оно было организовано в 1930 г. по инициативе Разенкова, который был его первым и бессменным председателем до 1951 г. Разенков задумал общество как общественный центр управления и координации деятельности различных учреждений соответствующего профиля. К участию в его работе привлекались также крупные морфологи, клиницисты и гигиенисты. Его ядро составляли ученики И. П. Разенкова, Л. С. Штерн и В. С. Гулевич. На заседаниях общества и его правления обсуждались планы работ на пятилетия, вопросы преподавания в медицинских вузах и техникумах, подготовки кадров специалистов, в том числе через аспирантуру, издательские дела, прежде всего учебно-методические пособия. Функционировал также своеобразный товарищеский суд, на нем рассматривались приоритетные дела и другие «междуусобицы», которые старались свести к минимуму. Мера доверия и глубокого уважения к Разенкову особенно ощутима при ознакомлении с подобными материалами. Таким образом, в обществе работал системный подход, охватывающий все стороны деятельности его представителей. Всесоюзное Общество физиологов по инициативе Московского также было преобразовано в сообщество физиологов, биохимиков и фармакологов. Разенков считался общественным координатором физиологических наук. Эту функцию он затем выполнял не только на общественных началах, а как первый директор Московского филиала ВИЭМ, зам. директора по науке ВИЭМ, а при организации АМН СССР — как академик-секретарь (первый) медико-биологического отделения.

В 1948 г. Разенкову как председателю Московского общества было предписано провести «дискуссию», жертвой которой на сей раз стала Лина Соломоновна Штерн. Когда переходили из физиологического корпуса в анатомический (в его большой аудитории при стечении массы народа проходило это «действо»), Разенков возбужденно повторял: «Цирк из науки устроили». О подробностях и финале этой «дискуссии» должен кто-то специально рассказать, поскольку она была одной из прелюдий сессии 1950 гг. Но в 1948 г. спектакль не удался.

В газете «Медицинский работник» появилась заметка, в которой Разенкова порицали за то, что он как председатель общества не возглавил разоблачение Штерн. Вскоре после этого партгруппа общества в связи с отчетом Разенкова о работе его правления вынесла решение, в котором Разенкову ставилось в вину следующее: 1) не возглавил борьбы с космополитизмом; 2) не отметил на заседании общества 70-летие Сталина; 3) не проработал (опять же на заседании) его труда о языкознании.

Пожалуй, сказанного достаточно, чтобы понять, чем провинился И. П. Разенков. И все же вдумаемся, как же могло случиться, что такой крупный ученый, вице-президент АМН СССР, директор Института физиологии АМН СССР, не будучи причислен к «антипавловцам» и, более того, вошедший в так называемый Павловский комитет, вскоре после сессии был вытеснен с поста директора, заведующего кафедрой нормальной физиологии 1-го МОЛМИ. И кем же? В то время ма-

ло кому известным, вызванным из Горького профессором М. А. Усиевичем (он тоже работал у И. П. Павлова и считал себя его учеником), который стал вдруг весьма популярным, хотя популярность его в физиологических и медицинских кругах была весьма сомнительного свойства. Он дважды баллотировался в АМН СССР и дважды с треском проваливался. В отместку Усиевич решил обуздать физиологическую общественность. Не обременяя себя процедурой избрания, демонстрируя вседозволенность, он убрал Разенкова и с поста председателя Московского общества физиологов, биохимиков и фармакологов. За период своего властвования Усиевич сумел развалить его работу. Таково было еще одно из последствий проведения Объединенной сессии, не говоря уже о том, что студенчество попало в руки такого рода наставников.

Выбор Разенковым честной позиции в этой ситуации, сопротивление навязываемой ему роли, многочисленные его попытки уберечь людей от лиходейства кончились для него печально. У него, такого гордого, независимого, лопнула жизненная струна, и он потерял себя.

Последнее, немаловажное обстоятельство, теперь уже научного свойства, сыграло свою роль в судьбе Разенкова. Сейчас, когда так интенсивно растет интерес к нейрохимическим аспектам регуляции ключевых процессов жизнедеятельности, когда обнаружены целые классы биологически активных веществ, выявлено многообразие их функций в организме, когда на наших глазах складывается самостоятельная область знаний об этом классе природных соединений — пептидов, мы должны вспомнить, что этому процессу немало способствовал «гуморализм» Разенкова, развитие им концепции о нейрогуморальной регуляции в организме. Он был одним из тех, кто обеспечил в этой области лидирующее положение отечественной физиологии. Здесь перечислялись многие потери нашей науки вследствие проведения Объединенной сессии. Как-то забылось, уж очень трудно теперь это представить, что под запретом оказалась и гуморальная регуляция, в том числе химический способ передачи нервного возбуждения. Не одна светлая голова пострадала за принадлежность к стану «гуморалистов». Достаточно сказать, что в преддверии сессии (6.IV) в «Медицинском работнике» появилась статья министра здравоохранения СССР, проф. Е. И. Смирнова «Павловское учение в науку и практику». В ней рекомендовалось «закрыть Америку», *объявить теорию гуморальной регуляции вообще несуществующей. Ефим Иванович был в дружеских* отношениях с Леоном Абгаровичем и, как рассказывают, поддерживал его в сессионный период. Это не помешало тому, что заместитель Л. А. Орбели по Институту им. И. П. Павлова, его ученик и уже видный ученый А. Г. Генецинский (о нем говорил Л. Л. Шик) был уволен за принадлежность к гуморализму. К его чести надо сказать, что он был одним из совсем немногих, кто не каялся и не бросал ни малейшей тени на своего учителя. Ретроспективный анализ полезен для будущего. Какой же вывод может быть сделан из сказанного? Основной: науке категорически противопоказана монополизация, даже если лидер — гениальнейший ученый. Потому что именно монополизация лишает необходимого науке обмена мнениями, порождает приспособленчество, беспринципность, малодушие и приводит к отступничеству.

Н. А. Григорьян (доктор медицинских наук, Институт истории естествознания и техники АН СССР). Историография Объединенной сессии АН СССР и АМН СССР (28 июня — 4 июля 1950 г.) хотя небольшая, но существует. Первая серьезная попытка пересмотреть роль сессии 1950 г. в развитии физиологии была сделана на VIII Всесоюзном съезде физиологов, биохимиков и фармакологов (Киев, 1955). Отвергая такие уродливые явления в науке, как монополизм, догматизм, подавление творческой мысли, сведение личных счетов, физиологическая общественность страны уже в 1955 г. проявила свое отношение к сессии тем, что выразила недоверие Быкову и другим организаторам сессии, не избрав их в правление Всесоюзного физиологического общества. Однако это было половинчатое решение, не до конца проведенный анализ и оценка событий. Указав на конкретные негативные последствия сессии, в постановлении съезда было отмечено «исключительное значение для физиологов, биохимиков и фармакологов августовской сессии ВАСХНИЛ и Объединенной сессии АН СССР и АМН СССР, принявшей первостепенной важности решения о дальнейшем развитии физиологической науки по павловскому пути» (Физиологический журнал СССР им. И. М. Сеченова. 1956. № 6. С. 529).

И только в наши дни стало возможным объективное освещение и справедливая оценка сессии 1950 г.

В 1961 г. в биографическом очерке «Леон Абгарович Орбели» Л. Г. Лейбсон писал о возрастающем успехе напряженной научной, научно-общественной и организационной деятельности

акад. Орбели и возглавляемых им коллективов до 1948—1950 гг. Резкая и необоснованная критика Орбели и его школы на сессиях ВАСХНИЛ (1948) и двух академий (1950) привела к отстранению Орбели от всех занимаемых должностей. Орбели «с мужеством перенес постигший его удар,— писал Лейбсон,— потому что глубоко верил, что совершенная по отношению к нему несправедливость будет исправлена и ему будет вновь предоставлена возможность служить науке... На XX съезде КПСС был решительно осужден культ личности со всеми его нездоровыми проявлениями» (цит. по: *Орбели Л. А.* Избр. труды. Т. 1. М., Л., 1961. С. 34—35).

В 1963 г. в сборнике «Пути в незнаемое» была опубликована статья В. В. Парина «Авторитет фактов» (о научном наследии и догматизме), в которой был проведен обстоятельный анализ и дана оценка того, что произошло в физиологии в 1950 г. Осудив методы, которыми руководствовались Быков и другие последователи теории кортико-висцеральной патологии на сессии, считавшие, что кора головного мозга играет «диктаторскую» роль в физиологических и патологических процессах организма, Парин писал: «Это, увы, не осталось лишь личной трагедией авторов гипотезы. Последствия... сказываются в некоторых научных трудах и по сей день» (*Парин В. В.* Авторитет фактов // Пути в незнаемое. Сб. 3. М., 1963. С. 598). Основной вред атмосферы культа личности в науке Парин видел в провозглашении верности «одного мнения, одной точки зрения. Авторитет имени ставился выше авторитета реальных фактов» (с. 588). Сессия 1950 г. официально провозгласила право на существование в физиологии лишь одного исследовательского направления, допустимость лишь тех экспериментальных методов исследования, которые применялись представителями этого направления. «Правоверные ученики Павлова,— продолжал Парин,— осудили электрофизиологические и физико-химические методы исследования в физиологии. Мы не вправе забывать, что развитие физиологии на Павлове не закончилось». Он осудил тех учеников Павлова, которые объявили себя монопольными обладателями истины, хранителями чистоты учения своего учителя. Комментируя заключительные слова речи Быкова на сессии о том, что «каждый физиолог, медик, педагог, психолог должен хорошо знать и запомнить, что единственно научная физиология — эта павловская физиология», Парин писал: «Великий физиолог-новатор не представлял себе, что его труды будут превращены в некий гибрид из псалтыря для молебнов и дубинки для устрашения инакомыслящих» (с. 592). «События 50-го года,— продолжал Парин,— развивались в атмосфере, не имевшей ничего общего с духом подлинной научной дискуссии. Наука дышит лишь одним воздухом — кислородом фактов» (с. 598). «Проблема борьбы с догматизмом, правильного отношения к научному наследству,— писал Парин в заключении статьи,— проблема поддержания здоровой, подлинно творческой атмосферы — это проблема не физиологическая, не биологическая, а общая. Ибо подлинное творческое мышление может и должно базироваться на высоких этических принципах, на научной честности» (с. 598).

Академик Б. Л. Астауров в статье «Биология» в 1970 г. писал: «Отрицательную роль сыграли также дискуссии по физиологии (Объединенная сессия АН СССР и АМН СССР, 1950), по эволюционной морфологии (1953). Все это сильно затормозило развитие в СССР генетики, эволюционного учения, цитологии, молекулярной биологии, физиологии и других отраслей биологии» (БСЭ, т. 3, 1970, с. 352).

Многие авторы опубликованной в 1983 г. книги «Л. А. Орбели в воспоминаниях современников», оценивая события в физиологии в 50-х годах, отмечают твердость, с которой Орбели отстаивал свои научные убеждения. Однако отстаивать свою правоту в то время было невозможно (с. 59). По свидетельству С. М. Дионесова, в беседах с сотрудниками Леон Абгарович посмеивался над заявлением Лысенко о том, что если бы Леон Абгарович захотел, он года за два смог бы показать изменения под влиянием средовых воздействий типа нервной системы собак. Терпимость Леона Абгаровича к ошибочным положениям Лысенко и нежелание принять административные меры для их пресечения привели к тяжелым последствиям (с. 99). Академик Н. П. Дубинин писал о решительности и мужестве Орбели в отстаивании классической генетики, проявленных им в предисловии к фундаментальной монографии С. Н. Давиденкова «Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии» [1947. С. 101]. А. П. Бресткин писал о несправедливом, жестоком осуждении всей деятельности Орбели на сессии. «Конечно, решения сессии резко сказались на его самочувствии и здоровье. У него усилился диабет, очевидно, на этой почве возник тяжелый фурункулез, и в течение нескольких месяцев Орбели не мог поворачивать головы» (с. 39, 40).

В 1987 г. увидела свет большая статья крупного биолога, ленинградского профессора В. Я. Александрова «Трудные годы советской биологии» («Знание — сила». 1987. № 12. С. 50—59). «По примеру сессии ВАСХНИЛ, майской сессии АМН СССР (1950), посвященной учению О. Б. Ле-

пешинской о развитии клетки из живого вещества, была „реорганизована“ и физиология»,— пишет Александров. Характерно название раздела статьи, посвященной сессии 1950 г.,— «Разгром физиологии». Это, пожалуй, самая точная, краткая и единственно верная оценка «павловской» сессии и ее последствий для науки. Обстоятельно описаны Александровым события, предшествующие «павловской» сессии: «Доклады и дискуссии вылились в осуждение ученых и руководителей, которые уклонились от павловского пути, недооценили приоритет Павлова, не давали должного отпора буржуазным физиологам. В спорах не фигурировали научные факты, экспериментальные данные. Основным было выяснение отношения того или иного ученого к учению Павлова, к диалектическому материализму, к мичуринской биологии, т. е. схоластика и догматизм» (с. 52).

Все авторы вышеназванных трудов сделали серьезную попытку разобраться в событиях в науке в 50-х годах, при этом проявив научный и гражданский подход к оценке сессии 1950 г. Они единодушно оценили сессию 1950 г. как трагическую страницу в истории физиологии нашей страны, нанесшей огромный, трудно преодолимый урон развитию физиологии и медицины, биологическому и медицинскому образованию в СССР, практике медицины и здравоохранению, педагогической, психологической и сельскохозяйственной науки. Но еще более опасными оказались социально-психологические и нравственно-этические последствия сессии. «Самые грозные, самые разрушительные последствия,— пишет В. Я. Александров,— были связаны с насилием над психикой людей. Сталинская диктатура ставила перед советским гражданином независимо от его профессиональной принадлежности трудные психологические проблемы... Создавшаяся в биологии атмосфера грубого насилия и беспросветной лжи сильнее всего сказалась на лучших людях... Страдали больше всего те, кто, обладая высоким моральным потенциалом, чувством долга и беспокоящей совести, не могли отказаться от того, чтобы написать или сказать слова, противоречащие их научным убеждениям... Те, кто сохранили верность своим принципам, дорого за это заплатили. Пережитое за эти годы укоротило жизнь многим выдающимся биологам: Н. К. Кольцову, Д. Н. Насонову, Л. А. Орбели и многим другим» (с. 57—59).

В своем докладе на первом пленарном заседании XV Всесоюзного съезда физиологов (28 сентября 1987 г., Кишинев) академик П. Г. Костюк сказал: «Сессия 1950 г. затормозила развитие перспективных направлений в биологии. В период расцвета физико-химической физиологии на Западе у нас было приостановлено развитие новых направлений в физиологии и медицине. Лысенко был не один. У нас тоже были свои маленькие лысенки. Следует называть имена тех, кто активно тормозил, мешал развитию перспективных исследований в науке». Эту же мысль академик Костюк повторил на юбилейном собрании Отделения физиологии АН СССР (октябрь 1987).

Видный советский патолог, академик АМН СССР Г. Н. Крыжановский критику на сессии 1950 г. оценивает как проявление «конъюнктурного нервизма и административного волюнтаризма». Сессия прежде всего поставила под угрозу «моральной и научной дискредитации» учение И. П. Павлова. Интерпретация павловской физиологии по Быкову в научной среде вызвала «отрицательную индукцию». Молодежь стала рассматривать учение Павлова как прошлое, как тормоз в развитии нейрофизиологии. В патологии возникло отрицательное отношение к нервизму как научному направлению. Представления о нервной регуляции клеточных и трофических процессов стали рассматриваться как устаревшие, бесперспективные и бесплодные (*Крыжановский Г. Н.* Прошлое — в настоящем и будущем / Чтения им. А. Д. Сперанского 12 января 1988 г., в 9. М., 1988, с. 15).

В свете вышесказанного необходимо рассмотреть и осветить другую позицию, другую точку зрения, высказанную авторами двух книг: *Ткаченко Б. И., Ланге К. А.* «Константин Михайлович Быков» (М.: Медицина, 1987) и специальный том руководства «Физиологические науки в СССР. Становление. Развитие. Перспективы» (Л.: Наука, 1988. Отв. ред. Н. П. Бехтерева).

В монографии «К. М. Быков» Б. И. Ткаченко и К. А. Ланге пишут: «Сессия оказала значительное влияние на развитие физиологии в СССР» (с. 77), на ней были даны «научно обоснованные оценки достижений отечественной физиологии», она сыграла «значительную роль в развитии государственной сети физиологических институтов, лабораторий и кафедр», о «положительном в целом влиянии этого научного собрания на прогресс исследований в области физиологии» (с. 81, 82). Оценивая содержание 4-й главы монографии Ткаченко и Ланге, посвященной «Объединенной сессии» (с. 77—82), следует сказать, что авторы книги о Быкове в своей оценке сессии не только не остановились на уровне 1955 г., когда на VIII Всесоюзном съезде физиологов, биохимиков и фармакологов (Киев, 1955) было принято постановление, осуждающее произвол и монополизм

в науке, пренебрежение культурой научных дискуссий, искусственное затормаживание перспективных направлений в физиологии, деятельность так называемого павловского совета во главе с Быковым, они нас возвращают к 50-м годам и уверяют, что положения докладов К. М. Быкова и А. Г. Иванова-Смоленского были «научно обоснованы» (с. 81). Вызывает недоумение позиция одного из рецензентов книги, академика АМН СССР К. В. Судакова. Рекомендуя монографию к печати, он тем самым соглашается «в целом с положительной ролью сессии в развитии физиологии в СССР», с критикой Анохина, «навязывающего свою мало обоснованную, путаную концепцию о так называемой функциональной системе» (Быков, 1950, 1951). Одобряя в заключительном слове в целом признание Анохиным своих ошибок, Быков вместе с тем отмечал, что Анохин «не вскрыл существа своих заблуждений и мотивов, которыми он руководствовался, пытаясь навязать свою мало обоснованную концепцию о так называемых функциональных системах».

Один из разделов доклада Быкова на сессии назван «Физиология и курортное дело». Ничего себе «курорт» устроил Быков и его приближенные выдающимся физиологам страны, вся научная деятельность и теоретические концепции которых были объявлены реакционными, идеалистическими и буржуазными, а методы и стиль их руководства аракчеевскими. Вопреки своим заверениям об объективности, авторы монографии о Быкове не смогли удержаться от соблазна представить своего героя в выгодном свете. Вопреки истине и справедливости, авторы пытаются обосновать не только «существенную роль» сессии в развитии физиологии и медицины, но и представить Быкова как положительного героя этого мероприятия. Сейчас, да и раньше, уже в дни сессии истинные ученые не сомневались в разрушительной роли сессии в жизни науки. Основной аргумент, который выдвигают авторы в пользу «павловской» сессии,— это количественный рост физиологических институтов, лабораторий и кафедр. Но ведь живая жизнь науки свидетельствует, что один количественный показатель сам по себе не может служить критерием качественного, мирового уровня развития науки. Кроме того, была другая альтернатива, другой безболезненный, единственно нравственный путь развития и развертывания исследований в физиологии, исключающий шельмование и предание анафеме истинных ученых.

В сущности этот же подход в более расширенном виде развит в руководстве по физиологии «Физиологические науки в СССР. Становление. Развитие. Перспективы». Вопрос о «павловской» сессии освещен в различных разделах книги: «Развитие физиологии в системе АН СССР и АМН СССР», а также в разделе «Развитие физиологии в 1946—1962 гг.» (с. 159—168): «Собственно физиологическая наука в нашей стране в начале этого периода испытала на пути своего развития существенное влияние решения научной сессии, посвященной проблемам физиологического учения академика Павлова» (с. 132). Удивляет спокойный, почти дословный пересказ содержания основных докладов на сессии. За редкими, очень осторожными замечаниями авторы полностью разделяют основные положения докладов Быкова и Иванова-Смоленского, а также постановления сессии. Приводим наиболее характерные высказывания авторов по поводу событий 1950 г. «В докладах Быкова и Иванова-Смоленского,— пишут Ланге и Светайло,— критически оценивалась деятельность ряда исследовательских коллективов и некоторых ведущих физиологов. Были также сформулированы рекомендации, направленные на дальнейшее развитие научного наследия Павлова.

Дискуссия, развернувшаяся на сессии, протекала остро и оживленно. В прениях по докладам выступил 81 человек из 209 записавшихся. Следует отметить, что большинство участников дискуссии поддержали оценку ошибок, допущенных в развитии отдельных направлений физиологии, содержавшуюся в основных докладах.

В постановлении была дана критическая оценка отдельных аспектов научной деятельности Л. С. Штерн, Бериташвили, Орбели, Сперанского, Анохина...

Решения и рекомендации сессии повлекли за собой целый ряд научно-организационных мероприятий, многие из которых способствовали преимущественному развитию отдельных направлений физиологии и сокращению, а в некоторых случаях прекращению исследований по не менее актуальным проблемам физиологических наук. На протяжении ряда лет была крайне затруднена деятельность научных школ Орбели, Сперанского, Рожанского, Анохина, Штерн» (с. 161, 162).

А вот резюме авторов о роли сессии 1950 г. «Оценивая в целом постановление, принятое участниками сессии, нельзя, однако, говорить лишь о его негативном влиянии на развитие физиологических наук. Анализ материалов сессии позволяет заключить, что как в основных докладах и выступлениях большинства ученых, так и в постановлении содержалась научно обоснованная оценка достижений отечественной физиологии, отмечалась необходимость укрепления

связей между теоретическими исследованиями и задачами, выдвигаемыми практикой здравоохранения, педагогики, физического воспитания, животноводства. Проблематика научных работ в области физиологии, рекомендованная в постановлении сессии, почти полностью совпадает с тематикой исследований, на недостаточность развития которых указывалось спустя пять лет на VIII Всесоюзном съезде.

Объективности ради следует сказать, что в постановлении сессии двух академий не говорилось о прекращении или сокращении работ по отдельным направлениям физиологии, а говорилось о необходимости обратить особое внимание на ряд проблем, разработка которых до 1950 г. представлялась участникам сессии недостаточной. Нельзя также не признать, что итоги сессии 1950 г. сыграли значительную роль в последовавшем в 1951—1962 гг. развитии государственной сети физиологических институтов, лабораторий и кафедр.

Таким образом, можно говорить о двух аспектах влияния Научной сессии... на *прогресс* (курсив мой.— Н. Г.) исследований в области физиологии. Во-первых, речь идет о положительном в целом влиянии сессии, которое обусловило существенное количественное развитие исследовательских коллективов и научных работ в отдельных направлениях физиологических наук, способствовало укреплению творческих контактов физиологических исследовательских коллективов с отраслевыми...

Во-вторых, должны быть отмечены и отрицательные последствия этой сессии, проявившиеся не столько в результате принятого постановления, сколько в процессе его реализации. Привнесение в этот процесс элементов администрирования, подменявших подчас научные дискуссии формальными решениями, не соответствовало... интересам развития отечественной физиологии» (с. 163, 164).

В разделе «Академия медицинских наук и разработка проблем физиологии человека и животных в 1954—1962 гг.» (авторы: Ю. П. Голиков, Т. И. Грекова, К. А. Ланге, В. А. Макаров) снова подчеркнуто, что «существенное влияние на развитие физиологических исследований в АМН СССР в 1950—1954 гг. оказали решения, принятые участниками состоявшейся летом 1950 г. сессии» (Развитие физиологических наук в СССР. Л.: Наука, С. 214).

Получается эдакая идиллия. Как будто не было изгнания выдающихся ученых из лабораторий, институтов, кафедр. На сессиях так называемого Научного павловского совета не травили, не издевались и не глумились, не заставляли Орбели и Бериташвили признать свои ошибки и отказаться от своей позиции и пересмотреть результаты всей научной деятельности.

Как будто не было статей Ю. А. Жданова и К. М. Быкова в «Правде» (1950, 1951), носивших явно характер политических доносов на Орбели и Бериташвили.

К счастью, в физиологии не было зловещей фигуры Лысенко. Но здесь, говоря словами академика Костюка, были свои маленькие лысенки: К. М. Быков, А. Г. Иванов-Смоленский, Э. Ш. Айрапетянц, Д. А. Бирюков, М. А. Усиевич, Д. М. Гедеванишвили. Здесь был «павловский научный совет», выполнявший карательные функции, занимающийся моральным истязанием, глумлением над честными учеными, имевшими смелость не признавать свои «ошибки» и отстаивать научные и нравственные убеждения. Такое отношение к науке и ученым известный английский физиолог, лауреат Нобелевской премии Г. Дейл назвал «политической тиранией». В результате вакханалии Лысенко и лысенковщины Дейл вынужден был отказаться от почетного членства АН СССР. В письме на имя президента АН СССР С. И. Вавилова в сентябре 1948 г. Дейл писал: «В науке нет политических границ или национальных разновидностей. Однако теперь эта наука должна быть отделена от «советской науки» и порицаема как «буржуазная» и «капиталистическая». Постановления, изданные Президиумом вашей Академии 27 августа текущего года, являются ясным выражением этой политической тирании. Мой старый уважаемый друг академик Орбели, выдающийся нейрофизиолог, последователь школы вашего великого Павлова снят с поста секретаря Отделения биологических наук вашей Академии. Пока нам известно только то, что генетика, которую поощрял Ленин, теперь запрещается как чуждая его политической философии.

С глубоким сожалением я должен просить исключить меня из числа почетных членов вашей Академии» (Огонек, 1987, № 47, с. 14). Что писал Г. Дейл после «павловской сессии», на которой нейрофизиологи с мировыми именами — академики Орбели и Бериташвили — были ошельмованы и преданы анафеме как идеалисты, поддерживающие реакционную буржуазную физиологию и психологию, нам пока не известно. Но мы хорошо знаем, что писал один из идеологов, вдохновителей этой сессии Ю. А. Жданов, заведующий сектором науки ЦК ВКП(б) в 50-е годы.

Ситуация в физиологии еще более осложнилась после опубликования в «Правде» зловещих статей Ю. А. Жданова «Некоторые итоги сессии по физиологии» («Правда» от 28 июля 1950 г.;

в том же году она была перепечатана в «Физиологическом журнале СССР им. И. М. Сеченова». 1950. Т. 36. № 4. С. 387—393. Главный редактор журнала Д. А. Бирюков, до сессии был Л. А. Орбели) и Быкова «На путях павловской физиологии» («Правда», 1951, 24 июля). Заметим, статья Быкова вышла почти в годовщину ждановской. Циничные и оголтелые, эти статьи и сегодня, спустя 38 лет, воспринимаются как политические доносы на выдающихся физиологов страны, как логическое продолжение одна другой. В своей злобной клевете на физиологию, главным образом на Орбели, Жданов перещеголял всех организаторов «павловской сессии», включая основных докладчиков: Быкова и Иванова-Смоленского. Вот поистине кто был главным, своим лысенко в физиологии. Не остается никакого сомнения в том, какова была роль Сталина в организации сессии: «Постановкой вопроса о дальнейшей разработке научного наследия академика Павлова мы обязаны тов. Сталину — величайшему ученому наших дней, знаменосцу передовой науки» (Ю. Жданов, с. 387). Отметив значительные достижения Быкова, Иванова-Смоленского, Э. А. Асратяна, М. А. Усиевича, Жданов переходит к ошибкам Орбели. Орбели «исказил ряд важнейших положений учения Павлова, другие подменил своими ошибочными взглядами и в результате нанес ущерб советской физиологии. Ошибки академика Орбели не являются случайными» (там же, с. 388). Пытаясь последовательно провести отчуждение Орбели от его учителя Павлова, противопоставить ученых разных стран, Жданов истоки такого «отчуждения» видел в коренном различии методологических установок Павлова и Орбели. Согласно Жданову, «исторически они были совершенно разными: Павлов исходил из материалистического учения русских революционных демократов, Орбели — из Канта» (с. 389). Причисляя Орбели к сторонникам идеалистической психологии и физиологии, Жданов обвинял Орбели в использовании субъективного метода при изучении высшей нервной деятельности, в противопоставлении физиологии высшей нервной деятельности физиологии органов чувств и симпатической нервной системы. Покончив с «физиологическими ошибками» Орбели, Жданов переходит к «серьезным антипавловским и антимичуринским ошибкам в области генетики», пишет о «формально-генетических установках Орбели» (с. 392).

Враждебно относился Жданов и к разнообразию советских физиологических школ. Иначе, чем мракобесием, нельзя назвать рассуждение Жданова о том, что «серьезной помехой в развитии физиологии... было необоснованное стремление отдельных лиц создавать свои собственные «школы» и «школки» и тем самым противопоставить себя общему направлению павловского учения. Так возникли «школа» Беритова, «школа» Штерн, «школа» Орбели, «школа» Анохина и др. Дробление науки на «школы» и «школки», на вотчины и удельные княжества вредно отражается на общем развитии науки. В резолюции сессии справедливо осуждены вредные феодальные устремления отдельных научных работников» (с. 392—393). Жданов обвинял Орбели в «хозяйничании» в физиологии административными методами, его возмущала «недостойная обстановка подхалимства и угодничества, дух холопства в институтах», руководимых Орбели. В них «групповые интересы ставились выше интересов науки в целом, а следовательно, интересов народа» (с. 392). В заключение статьи Жданов угрожающе предупреждал: «Неправильно думать, будто с окончанием сессии завершилась работа по критическому анализу положения в развитии павловского учения... Важно пресечь попытки отдельных ученых работников отсидеться в тихих уголках и выждать, пока отшумит буря» (с. 393). Следуя указанию Жданова, был создан так называемый Научный совет по проблемам физиологического учения Павлова (председатель Быков, члены Иванов-Смоленский, Айрапетянц, Воронин), функции которого иначе, чем карательными, нельзя называть. Своим участием в работе «павловского совета» Жданов, Быков, Иванов-Смоленский и другие последовательно осуществляли шельмование ученых и после завершения сессии.

Вслед за Ждановым в статье «На путях павловской физиологии» («Правда» 24 июля 1951 г.) Быков писал: «Сессия разоблачила вредные течения советской физиологии, уводящие в сторону от магистральной линии развития учения Павлова и пытающиеся протащить в нашу науку идеализм» (Цит. по: Быков К. М. Избр. произв. Т. 1. М.: Гос. изд.-во мед. лит., 1953. С. 366). И далее разоблачаются: «идеалистическая концепция Бериташвили о психонервной деятельности, ничем не отличающаяся от утверждений зарубежных психологов-идеалистов», «чуждые идеям Павлова взгляды Орбели, проводившего свои исследования по симпатической нервной системе и эволюционной физиологии метафизически», «отстаивающего» менделистско-морганистские идейки», созданный Орбели и Бериташвили «аракчеевский режим» в физиологических учреждениях Ленинграда и Грузии (там же, с. 366—367). Быкова как председателя «павловского совета» возмущал факт, что «ни Орбели, ни Бериташвили не выступили в печати с оценкой своих ошибок» (с. 369). Между тем эти ошибки «отражающие лженаучные, реакционные идеи зарубежной идеалистической

физиологии и психологии» (Бериташвили), «дискредитирующие классиков отечественной физиологии» (Орбели), буквально «возмутили членов павловского совета» (с. 369). «Идейные позиции Бериташвили и Орбели сомкнулись на одной и той же — антипавловской почве» (с. 370).

Сессия 1950 г. затормозила не только развитие физиологии и медицины, она нанесла страшный удар по нравственным устоям науки, сломала судьбы многих ученых, деформировала психологию молодых ученых, культивируя в них приспособленчество, безнравственность, извратила творческий дух физиологии высшей нервной деятельности, насаждала догматизм, единомыслие, недопустимый в науке монополизм. Сессия — это отчуждение, разъединение, противопоставление ученых разных стран, тормоз в развитии международного научного сотрудничества, разрушение прогрессивных научно-общественных традиций мирового сообщества ученых.

СОДЕРЖАНИЕ